Смахтин Е.В., Смирнова И.Г. ♦

Обеспечение защиты прав потерпевшего уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами при реализации назначения уголовного судопроизводства

Аннотация: Статья посвящена анализу современного состояния защиты прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. В ней обосновывается приоритетное значение защиты его прав через призму назначения уголовного судопроизводства. Авторы с опорой на судебную статистику доказывают, что общее снижение количества преступлений за отдельные отчетные периоды не может указывать на улучшение ситуации с защитой прав потерпевших, поскольку главное для последних — восстановление нарушенных прав, компенсация причиненного вреда, а также восстановление справедливости, что, в свою очередь, возможно только при фактическом высоком уровне раскрываемости преступлений. Однако раскрываемость некоторых видов преступлений в последние годы составляет не более 15 %.

В статье обосновывается тезис о том, что на уровне законодательного совершенствования механизма защиты прав лиц, потерпевших от преступления, только уголовно-процессуальными средствами эти вопросы не решить, поскольку сравнительно-правовое исследование уголовно-процессуального законодательства убедительно доказывает, что уровень законодательно закрепленных процессуальных гарантий защиты прав и свобод потерпевших в УПК РФ является достаточным.

Авторы с учетом анализа парадигмы уголовно-процессуальной и криминалистической науки убедительно аргументируют, что криминалистика как уголовно-правовая наука столкнулась с необходимостью определения ее соотношения с уголовным процессом через призму таких концептуальных критериев, как цель и задача познания. Основное назначение криминалистики в настоящее время заключается в том, чтобы способствовать сокращению числа случаев, по которым установление следовой информации (и, следовательно, собирание достаточных доказательств) не произошло по субъективным

♦ **Смахтин Евгений Владимирович** - доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Российская Федерация; e-mail: smaxt@yandex.ru.

Смирнова Ирина Георгиевна - доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

причинам. Именно криминалистика призвана способствовать оптимизации правоприменительной практики, внедрению новых научно-технических разработок. Поскольку изменения, вносимые в УПК РФ, носят перманентный характер, такая криминалистическая задача приобретает особое значение, а ее решение определит повышение эффективности реализации назначения уголовного судопроизводства и мер уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовный процесс; криминалистика; потерпевший; защита прав личности; судебная статистика; познание; следовая информация.

Невозможно представить себе современное общество без такого привычного способа реагирования государства на факт совершения преступления, как механизм уголовного судопроизводства. Действительно, анализ результатов проведенного на территории 18 субъектов Российской Федерации в 2010-2012 гг. опроса граждан[1] наглядно показывает, что значимость, ценность уголовного судопроизводства, его эффективность усматриваются опрошенными респондентами в первую очередь в восстановлении справедливости (66,5 %), наказании виновного (61,4 %), а также в возможности восстановить и защитить права потерпевших (36,9 %) [22, с. 490–503].

Не случайно действующее уголовно-процессуальное законодательство назначением уголовного судопроизводства провозглашает прежде всего защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (ст. 6 УПК РФ). Вместе с тем ситуация с защитой лиц, потерпевших от преступления, крайне неудовлетворительна. Так, по официальным данным, каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления и признается потерпевшим [19].

Однако по причине латентного характера многих преступлений можно с уверенностью утверждать, что за последние годы не менее четверти жителей Российской Федерации становились жертвами преступлений [10]. В свою очередь, официальная статистика МВД России свидетельствует, что внешне все выглядит довольно благополучно: уголовные дела раскрываются, преступления расследуются, а затем в большинстве случаев выносятся обвинительные приговоры. На фоне снижения общего количества совершаемых в России

[1] В статье приводятся обобщенные результаты анкетирования, проведенного на территории 18 субъектов РФ, такой группы респондентов, как «профессиональные» участники уголовного судопроизводства (144 судьи, 246 прокуроров, 418 следователей и дознавателей и 180 адвокатов), а также 2 124 граждан.

преступлений складывается ощущение, что права потерпевших надежно защищены. Однако более глубокий анализ правоприменительной практики убеждает в том, что это иллюзия. В качестве примера приведем статистические сведения о кражах, которые составляют около половины всех преступных деяний, совершаемых в России. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2009 г. было зарегистрировано 1 188 574 кражи, в 2010 г. - 1 108 369, в 2011 г. - 1 038 566, в 2012 г. - 992 238, в 2013 г. - 922 562. В целом раскрываемость краж не дает повода для беспокойства. Но если, например, оценить статистику такого специфического вида краж, который прямо предусмотрен п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, - из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, то в 2009 г. было зарегистрировано 78 798 преступлений рассматриваемого вида, из них раскрыто 11 612, выявлено 9 005 лиц, совершивших указанное правонарушение. В 2010 г. зарегистрировано 68 697 преступлений, из них раскрыто 10 148, выявлено 8 261 лицо. В 2011 г. зарегистрировано 59 319 преступлений, из них раскрыто 9 173, выявлено 7 350 лиц. В 2012 г. зарегистрировано 52 367 преступлений, из них раскрыто 7 677, выявлено 6 542 лица. В 2013 г. зарегистрировано 48 533 преступления, из них раскрыто 6 801 преступление, выявлено 5 983 лица [24-28].

Несложно подсчитать, что, несмотря на снижение количества этих преступлений, в 2009 г. их раскрываемость составила 14,74 %, в 2010 г. - 14,77 %, в 2011 г. - 15,65 %, в 2012 г. - 14,65 %, в 2013 г. - 14,01 % [21, с. 4-5].

Следовательно, аналогичным необходимо признать и коэффициент удовлетворенности потерпевших результатами производства по уголовному делу и свершившимся правосудием в целом. Приведенные цифры говорят сами за себя. Очевидно, что на уровне законодательного совершенствования механизма защиты прав лиц, потерпевших от преступления, только уголовно-процессуальными средствами эти вопросы не решить. Наглядным подтверждением этого являются изменения, внесенные в отдельные законодательные акты Российской Федерации в декабре 2013 г., которыми значительно расширены права потерпевших [18]. Сегодня уже с уверенностью можно сказать, что кардинальным образом эти новации ситуацию в лучшую сторону не изменили.

Более того, следует констатировать кризис уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Так, по данным К.Б. Калиновского, с 18 декабря 2001 г. - момента принятия УПК РФ - менее чем за семь лет (до 2007 г.) в процентном выражении кодекс изменился на 85 % [12, с. 90], а по состоянию на 1 января 2014 г. было принято 166 федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в УПК РФ (не считая правовых позиций

Конституционного Суда РФ), что лишний раз подчеркивает неопределенность законодателя в решении вопроса о стратегическом направлении уголовно-процессуального развития.

Давая оценку особенностям развития современного уголовно-процессуального законодательства, можно выделить такие тенденции, как:

– отсутствие оптимального сочетания защиты частных и публичных интересов;

– недостаточная урегулированность отдельных процессуальных процедур (например, право защитника собирать доказательства при отсутствии процессуальных норм, определяющих порядок такой деятельности). Да и в более глобальном масштабе УПК РФ процесс доказывания практически не регламентирует, а дает лишь право применить так называемые вспомогательные (криминалистические) средства фиксации. И что в итоге? Полагаем, что формальный подход к рекомендациям криминалистики приводит к конкретным ошибкам правоприменителя;

– зачастую неудовлетворительная законодательная техника. Указанное подтверждается тем, что часть изменений, дополнений, вносимых в УПК РФ, обусловлена необходимостью устранения ряда просчетов и противоречий;

– активное развитие упрощенных производств;

– «ложные процедуры», проявляющиеся, в частности, в распространенности получения согласия родственников на производство судебно- медицинской экспертизы трупа в случаях, когда такое производство является обязательным в силу ст. 196 УПК РФ;

– необоснованные запреты, например право суда заочно избирать меру пресечения в виде заключения под стражу при объявлении лица в международный розыск и невозможность применения заочной процедуры при объявлении лица в розыск, хотя высокая степень общественной опасности совершенных деяний дает основания считать возможным применение заочного порядка в обоих случаях [30].

Вместе с тем сравнительно-правовой анализ УПК РФ и процессуальных законов других государств позволяет утверждать, что уровень законодательно закрепленных в УПК РФ процессуальных гарантий защиты прав и свобод личности (в том числе и лиц, потерпевших от преступления) является не просто достаточным, а характеризующим действительную ориентацию государства на соблюдение ст. 2 Конституции РФ, закрепляющей права личности как высшую ценность в государстве.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство при всех его пробелах и проблемах само по себе не является причиной не-удовлетворительного состояния защиты прав потерпевших в уголовном

судопроизводстве. Одна из причин этого, на наш взгляд, кроется в особенностях собственно правоприменения. К таковым с уверенностью могут быть отнесены буквальное толкование закона (в литературе совершенно обоснованно обращается внимание также и на то, что правоприменители стремятся к такому толкованию, при котором не разрушаются устоявшиеся представления об уголовно- процессуальной деятельности, т.е. обеспечивается устойчивость уголовно-процессуальных обычаев), пренебрежительное отношение к правовым позициям Конституционного Суда РФ, особенности ментальных установок правоприменителей, ригидность мышления, правовой нигилизм общества. Такое положение в целом может быть охарактеризовано как эффект спящего права: российское законодательство не столько нарушается, сколько не действует.

В этой связи нельзя не согласиться с тем, что право может стать творческой силой тогда, когда будет не только осознано, но и признано. В сфере уголовного преследования механизмами обеспечения такого признания уголовно-процессуальных предписаний могут выступать в первую очередь криминалистические средства, для чего имеются и исторические предпосылки.

Далеко не всегда криминалистике как науке отводилось четко определенное место в системе научного знания.

В конце XIX в. австрийский ученый Г. Гросс объявил всему миру о рождении криминалистики, издав свое знаменитое «Руководство для судебных следователей как система криминалистики». В предисловии к четвертому изданию данного труда было определено место криминалистики в общей системе уголовных наук. Рассматривая ее в соподчиненном отношении к криминологии, включая все составляющие ее части в криминальную политику, Г. Гросс под- черкнул ее самостоятельный, но вспомогательный характер, показал взаимосвязь с уголовным правом и процессом, а также с учением о наказаниях [9, с. YI–X].

Наш соотечественник В.И. Лебедев в послесловии к известной книге немецкого ученого А. Вейнгарта «Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений» писал о взаимосвязи криминалистики и полицейской деятельности по обнаружению и расследованию преступлений, полагая, что криминалистика в преобразованном виде является служебной деятельностью полиции и составляет искусство раскрытия преступлений [6].

С.Н. Трегубов полагал, что более точным названием криминалистики с точки зрения содержания является «уголовная техника», считая ее новой особой, но вспомогательной отраслью уголовной науки [32, с. 4-5]. В свою очередь, В.И. Громов также избегал употреблять термин «криминалистика», предлагая назвать новую отрасль знаний «научно-уголовная техника» [8, с. 4].

В 1925 г. И.Н. Якимов констатировал, что название «криминалистика» более правильное и соответствующее ее содержанию, «почему и нам, русским, надо его придерживаться. Криминалистика — одна из самых молодых наук, разрабатывающих отдельные отрасли уголовного права» [35, с. 5].

Определившись с названием благодаря И.Н. Якимову, русские ученые в начале XX в., не уточняя, что такое «отдельные отрасли уголовного права», продолжили исследования относительно места криминалистики в общей системе наук, ее природы и практического значения.

Взаимосвязь криминалистики с уголовно-процессуальным правом подчеркивалась и в более поздних работах. Например, Б.М. Шавер писал, что «данные криминалистики всегда согласуются с данными уголовного процесса, ибо практически они применяются в процессе расследования, который регулируется уголовно- процессуальным правом, но эти данные не вытекают из теоретических принципов уголовного процесса» [33].

В развитие этих положений С.П. Митричев отмечал связь криминалистики не только с уголовно-процессуальным правом, но и с другими юридическими науками: уголовным, административным правом, гражданским процессом. В частности, ученый писал: «…определяя криминалистику как науку о расследовании преступлений, следует указать, что вопросы расследования преступлений изучаются не только в криминалистике, но и в других юридических науках, в том числе уголовно-процессуальном праве» [15, с. 12].

Позиции сторонников юридической природы криминалистики придерживался А.А. Эйсман. Он писал, что криминалистика является юридической наукой и в силу этого принадлежит к системе общественных наук [23, с. 30]. Аналогичным образом А.Н. Васильев еще в 1980 г. от- метил, что криминалистика есть наука юридическая из цикла уголовно-правовых наук [13, с. 12].

Выясняя связи криминалистики со смежными юридическими науками, проводя отграничение ее предмета от предметов этих наук, Р.С. Белкин неоднократно высказывался о синтетической (множественной) природе криминалистики [4, с. 43]. Однако, подчеркивая, что в традиционной классификации наук отсутствует специальное звено «междисциплинарных», «интегральных» областей научного знания, а в содержании криминалистики «имеются значительные по объему и важные по значению правовые положения» [3, с. 169–170], известный ученый относил криминалистику к числу «специальных юридических наук», а с точки зрения интенсивности связи — «к группе криминально- правовых наук, изучающих преступность и меры борьбы с ней» [5, с. 111–113].

Определяя место криминалистики в системе научного знания в более позднем по времени издании учебника, соавторы Р.С. Белкина указали, что «из юридических наук криминалистика наиболее тесно связана с науками процессуального права, особенно с теми их разделами, которые посвящены теории доказательств и процессуальному порядку проведения следственных и судебных действий [16, с. 84].

Согласившись с наличием тесной взаимосвязи вышеназванных наук, приведем пример. В Тюмени был обнаружен труп девочки восьми лет с множественными колотыми и колото-резаными повреждениями. В ходе осмотра места происшествия были выявлены следы-вещества бурого цвета на прошлогодней листве. Принимая во внимание, что в организме человека этого возраста находится около 3,5 л крови, следователь предположил, что кровь в таком объеме должна пропитать не только лиственный покров, но и землю. Однако в ложе трупа кровь была только на опавшей листве и стеблях ближайших растений. Земля же пропитана не была. У потерпевшей были надрезаны сухожилия, что, учитывая размеры тела, позволяло сложить его компактно, например, в большую сумку, мешок или рюкзак. Совокупность обнаруженных следов биологического происхождения, их локализация и взаиморасположение позволили следователю выдвинуть версию, что убийство было совершено в другом месте, а труп в последующем переместили туда, где он был обнаружен. Проведенные по делу процессуальные действия, направленные на проверку полученной в ходе осмотра криминалистически значимой информации, позволили установить лиц, причастных к совершению преступления. Определить направленность умысла преступников и правильно квалифицировать их действия также стало возможным благодаря правильному закреплению так называемой следовой информации в протоколе осмотра места происшествия [2]. На наш взгляд, в приведенном примере и других аналогичных случаях проявляется не только взаимосвязь и единство криминалистики с уголовно-процессуальным правом, что подчеркивает обоснованность включения криминалистики некоторыми ее основателями в «систему уголовных наук». Очевидно и другое: раскрытие преступления криминалистическими средствами позволило защитить права и законные интересы лиц, потерпевших от преступления, реализовать назначение уголовного судопроизводства.

Нам импонирует и позиция В.Н. Карагодина, который обоснованно считает, что положения уголовно-процессуальной науки широко применяются в криминалистике. В частности, одними из основных элементов теоретико-доказательственной концепции предмета криминалистики ученый справедливо называет понятия собирания, проверки и оценки доказательств [14, с. 38].

Точка зрения российских ученых поддерживается и некоторыми зарубежными криминалистами. В частности, Р.Г. Домбровский включает криминалистику в систему уголовно-правовых наук [11, с. 73]. Аналогичным образом Г.А. Матусовский относил криминалистику к числу уголовно-правовых наук, представляя научное знание в виде геоцентрической системы, в центре которой находится криминалистика [17, с. 68].

Однако включение криминалистики в число уголовно-правовых наук как российскими, так и зарубежными криминалистами не дает ответа на вопрос о ее природе и соотношении с уголовно-процессуальным правом.

Так, ученые из Германии полагают, что криминалистика входит в число криминальных (уголовных) наук, однако, наряду с криминологией, является неюридической наукой [36].

Не решая вопроса о месте и природе криминалистики, польский ученый Г. Кендзерска прогнозирует тенденции ее развития, обосновывая свои выводы анкетированием респондентов, использующих криминалистические знания профессионально. Полагаем, что выводы ученого заслуживают внимания, так как он обоснованно считает, что развитие криминалистики всегда должно быть нацелено на решение основного вопроса: кто оставил след преступления или кто повлиял на образование следов преступления [37, p. 57].

С этих же позиций о перспективах развития криминалистики рассуждают такие ученые, как К. Славик, К. Броновска и Б. Сыгит [39; 40].

О содержании и границах криминалистики, а также о ее трактовке в Польше неоднократно высказывался Х. Колецки [38].

Вернемся к статистике. По мнению целого ряда известных ученых-криминологов, разделяемому и авторами статьи, статистические данные не отражают истинного состояния преступности. Например, с точки зрения Э.Ф. Побегайло, «число зарегистрированных преступлений — это лишь надводная часть айсберга. Это «виртуальная», «отчетно-бумажная» преступность… реальный массив преступности превышает регистрируемый в 4–6 раз» [1, с. 18], а по мнению иных исследователей, мониторинг латентной преступности указывает, что фактическая преступность более чем в 8 раз превышает уровень зарегистрированной преступности [31, с. 6]. Иными словами, в настоящее время проблема искаженности статистических данных о количестве совершенных преступлений вызывает большую озабоченность со стороны как государства, так и его правоохранительных органов [7, с. 13–14].

К большому сожалению, расследование преступлений сегодня «поставлено на поток», а работа конкретного следователя оценивается исключительно по количественным показателям. Опрошенные респонденты на вопрос о том, является ли, на их взгляд, существующая система государственной оценки

эффективности работы следственных органов объективной, дали следующие ответы, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос об объективности системы государственной оценки эффективности работы следственных органов, чел. (%)

Вариант ответа	Судьи	Прокуроры	Следователи, дознаватели	Адвокаты
Да	4 (2,8)	16 (6,5)	50 (12,0)	11 (6,1)
Скорее да, чем нет	12 (8,3)	46 (18,7)	88 (21,1)	6 (3,3)
Скорее нет, чем да	52 (36,2)	64 (26,0)	96 (22,9)	34 (18,9)
Нет	64 (44,4)	106 (43,1)	115 (27,5)	107 (59,4)
Затрудняюсь ответить	12 (8,3)	10 (4,1)	69 (16,5)	22 (12,3)

Бóльшая часть следователей довольно быстро адаптировалась к «новым требованиям», что привело к поверхностному подходу в расследовании преступлений, небрежности при применении криминалистических средств и общему снижению качества следствия. Следователь превратился в лицо, оформляющее результаты процессуального познания для других, фактически устранившись от активных действий. В свою очередь, результаты осуществления правосудия по уголовным делам с завидным постоянством демонстрируют поразительно низкий процент оправданных от общего количества лиц, в отношении которых уголовные дела рассматривались по существу. Так, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ доказывают отмеченную тенденцию (табл. 2).

Таблица 2

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2010–2014 г.г.

Отчетный период	Число лиц по поступившим делам	Осуждено	Оправдано (%)
2010	1 200 358	870 082	9 152 (0,77)
2011	1 111 364	806 728	8 855 (0,80)
2012	1 055 456	76 463	5 164 (0,49)
2013	1 044 747	755755	5 624 (0,54)

2014	504 298	349 822	2 615 (0,52)

Проведенный анализ некоторых статистических сведений, ряда позиций ученых относительно природы и места криминалистики в системе наук свидетельствует, что особых разночтений в этом вопросе нет. Гораздо сложнее определить соотношение криминалистики и уголовного процесса, как в научном, так и в практическом плане. Можно, естественно, заключить, что эти науки, а также виды практической деятельности соотносятся как «самостоятельные элементы единой системы юридических наук уголовно-правового цикла» [21, с. 15]. На самом же деле мы сейчас понимаем, что этот вывод не определяет соотношения, а лишь подчеркивает уже давно установленные аксиоматичные вещи о предмете, природе криминалистики и ее месте в общей системе, так называемых уголовно-правовых наук. Вопрос о соотношении уголовно-процессуального права и криминалистики в полной мере не решен до настоящего времени.

Понятно, что споры ученых касаются не столько природы криминалистики и ее места в системе наук. Понятно и то, что российские и зарубежные криминалисты считают криминалистику самостоятельной отраслью научных знаний, входящей в систему уголовно-правовых наук. Разделяя эту точку зрения, отнесем без дополнительных аргументов криминалистику к специальным юридическим наукам уголовно- правового цикла. Правильность этой авторской позиции можно подтвердить и номенклатурой специальностей научных работников, утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59, в соответствии с которым криминалистика включена в юридические науки [29].

Итак, завоевав свое место в системе уголовно-правовых наук, криминалистика столкнулась с необходимостью определения ее соотношения с уголовно-процессуальным правом, при- чем на функционально-прикладном, т.е. практическом, уровне. Однако прежде чем определить такое соотношение на практическом уровне, не- обходимо провести линию предметного разграничения и в научном плане.

Определение хотя бы одной из граней пересечения криминалистики и уголовного процесса наиболее наглядно возможно на примере процесса доказывания. Один из патриархов уголовно-процессуальной науки С.А. Шейфер в одной из последних работ, посвященных процессу доказывания, пишет, что готовых доказательств, т.е. показаний, заключений, вещественных доказательств, протоколов и иных документов, в природе не существует и существовать не может: объективно существуют лишь следы события, в которых содержится нужная информация. Но эта информация еще не

доказательство. И лишь в процессе деятельности субъектов доказывания информации придается надлежащая процессуальная форма и возникают (формируются) доказательства [34, с. 32]. Известный ученый считает, что преобразование информации в иную форму - это универсальная по отношению к любому виду доказательств процедура, сопровождающая их формирование [34, с. 36].

Заметим, что эта процедура, сопровождающая формирование доказательств, уголовно-процессуальным законодательством не регламентирована. Считаем, что, говоря криминалистическим языком, в данном случае можно вести речь об обнаружении значимой следовой информации с применением тактического арсенала и технико-криминалистических средств как обнаружения, так и последующей фиксации обнаруженной информации в протоколе следственного действия.

Причем четкую линию предметного разграничения провести довольно сложно, так как совместное изучение учеными «процедуры», сопровождающей формирование доказательств, будет безусловно вести к взаимопроникновению наук. Кстати, в этом нет ничего плохого. Наоборот, это ведет к дальнейшему развитию смежных наук.

Проведенное нами обобщение практики свидетельствует, что зачастую, особенно при совершении неочевидных преступлений, процессуальным путем определить направленность умысла виновного и правильно квалифицировать его действия возможно только благодаря достижениям криминалистики, что подтверждает ее значимость, прежде всего, через призму реализации назначения уголовного судопроизводства. Например, важно соблюдать элементарные рекомендации криминалистики, касающиеся полноты осмотра места происшествия и применения криминалистических средств фиксации, так как в противном случае это может привести к искажению следственной перспективы, а в итоге к тому, что преступление так и останется нераскрытым.

Также полагаем, что в научном плане вопрос дифференциации знаний при изучении общих объектов познания является одним из основных как в криминалистике и уголовном процессе, так и в любой другой отрасли научного знания. Одним из путей его решения служит определение критериев для отграничения предмета криминалистики от предметов ведения других юридических наук уголовно-правового цикла. Такими критериями могут быть, например, цель и задача познания. В свою очередь, целью по- знания в криминалистике необходимо считать установление следовой картины события преступления, а, соответственно, задачей - обнаружение материальных и идеальных следов-последствий преступления и работу с ними.

Полученные теоретические знания проверяются на практике, а в последующем, в ходе ее обобщения и анализа, уточняются, конкретизируются и дополняются.

Если экстраполировать цель и задачу познания в науке криминалистике на практическую деятельность, то практической целью будет установление следовой картины единичного события преступления, а, соответственно, задачей - своевременное обнаружение, фиксация, изъятие и исследование следов-последствий преступления в ходе расследования конкретно- го уголовного дела.

Наибольшее практическое значение в криминалистике имеет научное обоснование перехода от познания материальных и идеальных следов в механизме преступной деятельности к уголовному преследованию и назначению виновным справедливого наказания либо к отказу от уголовного преследования невиновных, освобождению их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Если этот переход обеспечен, а мы полагаем, что это одна из функций криминалистики, то решаются задачи уголовной политики и уголовного судопроизводства. Если же нет, то многие преступления остаются нераскрытыми, виновные лица - не установленными, потерпевшие - не защищенными государством. Возможны и другие негативные последствия.

Проведенное нами обобщение практики показало, что в ходе реализации этой функции взаимосвязь и соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом проявляется наиболее ярко.

В ряде случаев следователь не может установить следовую картину преступления. Естественно, причин, по которым этого не происходит, чрезвычайно много. Во-первых, это объективные причины, которые не зависят от сознания, воли, профессионализма лица, ведущего расследование (приводящие к невозможности выявления, познания и использования следов преступления на современном этапе в ходе процесса доказывания). Вторая группа причин - субъективные. Они зависят от профессиональной подготовленности следователя, его опыта работы, наличия криминалистических знаний и умений.

Соответственно, одна из задач криминалистики как науки, в решении которой проявляется в том числе ее роль и значение в общей системе с уголовно-процессуальным правом, - сократить число случаев, по которым установление следовой информации не произошло по субъективным причинам (отсутствие знаний, опыта, тактические и процессуальные ошибки, нарушения закона и т.п.).

Кроме того, именно криминалистика призвана способствовать в условиях инертности правоприменительной практики ее оптимизации, внедрению новых научно-технических разработок. Поскольку изменения, вносимые в УПК РФ, носят перманентный характер, такая криминалистическая задача приобретает особое значение.

Наконец, не случайно, по мнению многих ученых, доказательства являются основным началом уголовного процесса, соответственно, без надлежащего формирования доказательственной базы по уголовному делу перспектива судебного производства может оказаться призрачной. В этой связи роль криминалистики в разработке тактических приемов производства следственных действий (как действий процессуальных, направленных на собирание доказательств) бесспорна.

Указанное наиболее ценно в свете тех радикальных изменений, которые в последние годы произошли в науке: в 2012 г. существенные изменения претерпела номенклатура научных специальностей: в частности, специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» преобразовалась в две самостоятельные специальности - 12.00.09 «Уголовный процесс» и 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность».

Такие новации существенно затрудняют проведение междисциплинарных научных исследований, направленных на оптимизацию производства по уголовным делам, учитывающих как содержание уголовно-процессуального законодательства, так и потребности правоприменительной практики.

В таких условиях задача науки заключается не только в обеспечении эффективного, соответствующего вновь утвержденной номенклатуре специальностей научно-исследовательского поиска, но и в первую очередь в эффективной работе научной школы, направленной на удовлетворение потребностей правоприменительной практики, защиту прав и свобод личности, обеспечение баланса охраняемых законом ценностей в рамках производства по уголовным делам.

Решение этой задачи будет способствовать повышению эффективности реализации назначения уголовного судопроизводства и мер уголовной политики [20, с. 10-16].

Библиография

1. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. М.: Норма, 2006. 144 с.

2. Архив Центрального районного суда г. Тюмени. Уголовное дело № 200800091/14.

3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. 240 с.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 1: Общая теория криминалистики. 408 с.

5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2001. 837 с.

6. Вейнгарт А. Уголовная тактика: Руководство к расследованию преступлений / А. Вейнгарт; пер. с нем. под ред. и с примеч. В.И. Лебедева. СПб.: Изд. «Вестника Полиции», 1912. 293 с.

7. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 208 с.

8. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места происшествия: сб. науч. тр. М.: ЛексЭст, 2003. 544 с.

9. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: пер. с нем. Репр. изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 г. // Российская газета. 2008. 18 марта.

11. Домбровский Р.Г. Теоретические основы криминалистики. Рига: JUMI, 2004. 210 с.

12. Калиновский К.Б. «Право презумпций» — стратегия развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства / К.Б. Калиновский // Стратегии уголовного судопроизводства: сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. М.: РАП, 2008. С. 90-97.

13. Криминалистика: учебник / под ред. А.Н. Васильева. М.: МГУ, 1980. 496 с.

14. Криминалистика: учебник / под ред. Л.Я. Драпкина. М.: Юрайт, 2013. 831 с.

15. Криминалистика: учебник / под ред. С.А. Голунского. М. : Госюриздат, 1959. 511 с.

16. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 928 с.

17. Матусовский Г.А. Криминалистика в системе научных знаний. Харьков: Изд-во при Харьк. ун-те, 1976. 112 с.

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном

судопроизводстве: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ // Российская газета. 2013. 30 дек.

19. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений : спец. докл. уполномоч. по правам человека в Рос. Федерации от 27 мая 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 июня.

20. Смахтин Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Е.В. Смахтин. Екатеринбург, 2010. 45 с.

21. Смахтин Е.В. Особенности расследования краж, совершаемых на железнодорожном транспорте из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / Е.В. Смахтин, А.В. Белоусов ; под ред. Е.В. Смахтина. Тюмень: ТИПК МВД России, 2014. 124 с.

22. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук / И.Г. Смирнова. Томск, 2012. 517 с.

23. Советская криминалистика. Теоретические проблемы / Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман, Н.А. Якубович. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.

24. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2009 года. М. : Гл. информ.-аналит. центр МВД России, 2010.

25. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2010 года. М. : Гл. информ.-аналит. центр МВД России, 2011.

26. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2011 года. М. : Гл. информ.-аналит. центр МВД России, 2012.

27. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2012 года. М. : Гл. информ.-аналит. центр МВД России, 2013.

28. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2013 года. М. : Гл. информ.-аналит. центр МВД России, 2014.

29. Справочные материалы [Электронный ресурс] // Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации: офиц. сайт. Режим доступа: http://www.extech.ru/library/spravo/vak/vak.php.

30. Сурихин П.Л. Внутренние противоречия уголовного процесса: суггестивные последствия / П.Л. Сурихин // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.Д. Назаров. Красноярск: СЮИ МВД России, 2007. Ч. 2. С. 105-109.

31. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М.: Юнити-Дана, 2011. 839 с.

32. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений: практ. рук. для судеб. деятелей / С.Н. Трегубов. Пг. : Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1915. 334 с.

33. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 79-81.

34. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. 125 с.

35. Якимов И.Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. Репр. изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.

36. Ackermann R. Handbuch der Kriminalistik. Kriminaltaktik für Praxis und Ausbildung / R. Ackermann, H. Clages, H. Roll. 3., aktualisierte und geunderte Auf. Stuttgart; München; Hannover; Berlin; Weimar; Dresden: Richard Boorberg Verlag, 2007. S. 16-17.

37. Kedzierska G. Meanders of the 21st century criminalistics / G. Kedzierska // Criminalistics and forensic examination: science, studies, practice. Vilnius, 2013. Chap. 2. P. 45–57.

38. Kolecki H. Zakres i sposob uprawiania criminalistiki w Polsce / H. Kolecki // Kriminalistyka i nauki penalne wobec przestepczosci: ksiega pamiatkowa dedykowana Profesorowi Miroslawowi Owocowi / red. H. Kolecki. Poznan: Wyd. Poznanskie, 2008. S. 396-418. 3

9. Slavik K. Kondycja polskiej kryminalistyki - proba oceny / K. Slavik, K. Bronowska // Problemy wspotczesnej kryminalistyki. Warszawa, 2007. T. 11. S. 169-186.

40. Sygit B. Dorobek nauki w badaniach nad strojem cztowieka wykorzystywany w praktyce sledczej i sadowo-lekarskiej / B. Sygit // Problemy Wspolczesnej kryminalistyki. Warszawa, 2003. T. 7. S. 45–121.